произведением. Перейдя к анализу статьи М. Н. Тихомирова, разделяющего то же мнение, Н. К. Гудзий убедительно доказывает, однако, что «Слово» не явилось откликом на Калкскую битву, которая не могла вызвать представления о «погибели всей Руси», и что остается в силе приурочение Х. М. Лопаревым этого памятника к 1238 г. Н. К. Гудзий справедливо возражает и против новгородского происхождения автора и считает более вероятным предположение Х. М. Лопарева, что автор «Слова» жил в Переяславском княжестве. Затем Н. К. Гудзий останавливается на вопросе об отношении «Слова о погибели» к «Слову о полку Игореве». Изложив указанные нами параллели между обоими произведениями и наше заключение, что «оба они, несомненно, продукт одной и той же поэтической школы», Н. К. Гудзий считает, что указанные параллели слишком общего характера и едва ли могут свидетельствовать о литературной связи обоих «Слов». Наконец, Н. К. Гудзий останавливается на трудном вопросе о пунктуации «Слова о погибели», в которой наблюдаются крупные различия между печерской и рижской рукописями. Приведя противоречивые мнения различных комментаторов, Н. К. Гудзий осторожно заключает: «Думается, однако, что ритмическая природа „Слова о погибели“ такова, что она требует ставшей уже традиционной пунктуации печерского списка».

Своей оценки «Слова» как художественного произведения Н. К. Гудзий, к сожалению, не дал.

Ввиду того что обстоятельная статья Н. К. Гудзия несомненно поднимет интерес к «Слову о погибели», мы предлагаем читателям наши заметки об этом памятнике. В них мы отчасти излагаем наши прежние соображения, появившиеся в редких иностранных изданиях, но приводим и ряд новых наблюдений над памятником. Надеемся, что эти несколько разрозненные заметки пригодятся будущему составителю монографии о «Слове о погибели».

1. Художественная форма и содержание «Слова о погибели»

Вполне соглашаясь с Н. К. Гудзием в том, что «Слово о погибели» есть самостоятельное произведение, мы должны отметить прежде всего его лиро-эпическую природу. Его даже нельзя назвать поэмой: до нас дошло лишь вступление, имеющее характер торжественного гимна в честь родины, и в этом отношении оно заслуживает особого внимания. Как правильно отметил Д. С. Лихачев, «ощущение родины как грандиозного живого существа, как совокупности всей родной истории, культуры и природы» с особой силой сказалось уже в «Слове о полку Игореве» и «этот широкий образ Русской земли пронизывает русскую литературу на всем протяжении ее развития. Теми же широкими приемами, что и в „Слове о полку Игореве“, описана в „Слове о погибели Русскыя земли“ XIII в. „светло-светлая и украсно украшена земля Руськая“».[6] Эту вкратце брошенную мысль следует развить подробнее.

Неизвестный поэт начинает с восторженного обращения к родине «удивленой», т. е. ставшей дивною своими многими красотами. В длинной ритмической фразе он перечисляет эти красоты, начиная прежде всего с родной природы.

Картина природы в «Слове о погибели» очень последовательна: она начинается со «многих озер», за ними следуют реки и кладези-источники,

---

[6] Д. С. Лихачев. Национальное самосознание древней Руси. М.—Л., 1945, стр. 63.